

Продолжение 2

Рассветная тишина в саду

18

в СГА на 1.01.1983 г.

(Лит. Сит. П.)

Труд. - 1993 - 10 февр.

ПОСЛЕДНЯЯ ДОРОГА

Сегодня — день памяти А. С. Пушкина

ШЕсть лет назад, в годовщину гибели Пушкина, я вместе со своим псковским приятелем решил целиком повторить маршрут, по которому везли в санях бездыханное пушкинское тело из Петербурга в Святые Горы, псковскую обитель поэта. Обзавелись даже подробной картой краеведов, чтобы, не дай Бог, не сбиться с пути и проехать именно той, последней его дорогой...

В Ленинграде накануне отъезда жили несколько дней только Пушкиным. Тогда на Мойке, 12 заканчивалось устройство новой экспозиции музея-квартиры, и мы в подробностях расспрашивали реставраторов и историков, где был камин, где какой перегородка, через какие двери выходил Александр Сергеевич на набережную Мойки. По часам «восстанавливали», как провёл он тот роковой день, когда на Черной речке прогремели выстрелы. Прошли к бывшей кондитерской Вольфа и Беранже, где были куплены дульные пистолеты, проехали, насколько это возможно сейчас, пушкинским следом к лесистому пятачку, где произошла кровавая встреча с Дантесом. В Святые Горы выезжали от ворот бывшей Конюшенной церкви, там отпевали поэта: поднялись на хоры и несколько минут молча стояли в боковой прицерковной каморке, той самой, откуда ночью выносили гроб к саням.

Весь этот подробный ритуал, как бы повторяемый полтора века спустя, наполнял нас тоской и печалью — гибель Пушкина воспринималась так, будто она случилась только что, и мы — ее невольные беспомощные свидетели.

До районного псковского городка Остров ехали машиной — последняя дорога Пушкина пролегла как раз по нынешнему псковскому шоссе. В деревне Выда, где на почтовой станции в прошлом веке меняли прогонных лошадей, мы тоже задержались на пару часов, прежде чем тронуть дальше. Память и

тут была обожжена воображением, ведь столько раз по пути в Михайловское и обратно поэт останавливался здесь передохнуть накоротке.

В Острове взяли упряжки лошадей. Теперь карта, выверенная у местных старожилов и знатоков, лежала перед нами в дорожной планшетке. Ехали берегом реки Великой, сокрушаясь, что из-за заносов не можем двигаться по самой реке: ведь траурный пушкинский возок мчал к михайловским рощам посередине замерзшей реки — так было в ту пору. Увы, нам ничего не оставалось, как держаться берега, насколько это позволяет изменившаяся местность.

В Пушкинские (бывшие Святые) Горы добрались уже затемно, когда черное небо во всю засеяло ядреные звезды. От крупов лошадей валил пар, они отфыркивались, довольные тем, что одолели неблизкую дорогу и с ними ничего не приключи-

лось в пугающей зимней темноте.

Неожиданно возле райцентровской гостиницы, где остановились упряжки, появился хранитель Пушкинского заповедника Семен Степанович Гейченко. Мы были хорошо знакомы с ним и потому тут же двинулись навстречу всегда гостеприимному хозяину. Но не успели даже поздороваться, как...

— Удумали, — сердито выпалил Семен Степанович. — Христи! Я сорок лет здесь работаю, но и в голову не приходило ехать по следам гроба. «Новаторы!» Ишь, им все нипочем...

Мы принялись было оправдываться: неужели в этой затее есть что-то кощунственное?

Гейченко не хотел и слушать. Пустой рукав его легонького пальто (хранитель лишился руки на войне) ходил возбужденно перед нашими носами. Гнев не оставлял пушкиниста.

— А я-то думаю: откуда лошади, что за чертовщина? Ну,

оригиналы... Не хватало вашего срама на мою седую голову.

Оставалось рассчитывать только на отходчивость Семена Степановича. Так и случилось. Уже на следующий день Гейченко в который раз водил нас по пушкинской усадьбе, поил чаем в своем доме и рассказывал, рассказывал... Мы старались ничем не напоминать о своем маршруте и злополучных упряжках, помалкивали.

Возможно, праведный гнев великого хранителя так до конца и не дошел бы до нас, не расскажи Семен Степанович одну историю. Даже не историю — крохотный эпизод.

— Я знал одного исследователя литературы, — начал Гейченко. — У него был рак. Врачи приговорили его к смерти — без вариантов, как говорится... И вот он поехал сюда, в святые пушкинские места. Зашел ко мне в дом. Посидели, поговорили. По неотложным делам мне нужно было, как на грех, срочно в Святогорский монастырь — там работали реставраторы. Пришлось извиняться за вынужденную отлучку...

— Ну вот, — продолжал Семен Степанович. — Спустя час-другой через окно монастыря мельком бросил взгляд на пушкинскую могилу. Бог ты мой! Возле нее, встав на колени и что-то приговаривая сквозь рыдания, стоял этот приезжий человек. Перед гробом Пушкина он прощался с собственной жизнью. Я понял, что застал его за самым сокровенным, глубоко личным, и как можно скорее отвел взгляд. Он умер вскоре...

И вдруг снова — про нас:

— А вы удумали «по пушкинскому следу». Да разве в том дело, чтобы старой колеей и непременно лошадьми? Блажь и выверты.

И он раздосадованно махнул рукой в нашу сторону.

Возразить было нечего.

Евгений ДВОРНИКОВ.

Рисунок Энгеля НАСИБУЛИНА.